

22. Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Художественный язык средневековья. 201—235.
23. Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Сост. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М., 1977. 64.
24. О самозванстве как начале русской революционности. См. также: Смирнов И. П. Социософия русской революции. СПб., 2004. 223 сл.
25. Об этом случае революционного мистификаторства, самым непосредственным образом, как и нечаевщина, наследующего самозванству, см. подробно: Козьмин Б. П. Из истории революционной мысли в России. М., 1961. 222 сл.

*Г. В. Елизарова,
доктор филологических наук, профессор кафедры
методики обучения иностранным языкам*

КУЛЬТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ: ОБЩЕНИЕ

В условиях глобализации личные и профессиональные контакты людей, принадлежащих к различным культурам, играют особую роль. Для результативности контактов и всех форм сотрудничества исключительно важно общение. Отношение к общению располагает национальные культуры в континууме от высоко контекстуальных до низко контекстуальных.

Высоко контекстуальные — это такие культуры, в которых значение сообщения заключено не столько в словах и их организации, сколько в контексте высказывания и общения в целом.

Низко контекстуальные культуры — это культуры, в которых значение высказывания заключено в самом высказывании и минимально зависит от контекста общения.

В соответствии с приведенным определением, культуры, принадлежащие к первой группе, характеризуются большой ролью факторов, окружающих общение, таких как место общения, время общения, статус и взаимоотношения участников, их предыдущий опыт и другие. Для понимания истинного значения высказываний в таких культурах важно знание традиций общества и иерархий взаимоотношений, связей участников общения, невербальных элементов коммуникации. Такие культуры характеризуются низкой толерантностью к расхождениям и конфликтам; большим вниманием к формальностям; раздраже-

нием в случае неспособности собеседника «дешифровать» содержание из контекста; эмоциональностью, импульсивностью и частым восприятием деловых отношений как личных.

Для противоположного полюса, то есть для низко контекстуальных культур, характерно пренебрежение контекстом — все значения должны быть эксплицированы вербально и чем детальнее и однозначнее, тем лучше. Для участия в общении в таких культурах не требуется предварительных общих базовых знаний, ибо все необходимое для общения оговаривается непосредственно в его ходе. Широко распространенным является терпеливое отношение к расхождениям и к конфликту как таковому, поскольку он воспринимается как результат недостаточной вербализованности идей, а не малой компетентности личности. Эмоциональность общения не приветствуется и часто расценивается как некоторое несанкционированное вторжение в настроение собеседника, как отсутствие самоконтроля, как проявление неспособности рационализировать опыт и вести себя, не обременяя других своим состоянием.

Среди типичных поведенческих проявлений в культурах первого типа (высоко контекстуальных) «да» часто означает «нет» и, наоборот. Благодаря особой интонации, высказывания в таких культурах могут приобретать характер прямо проти-

воположный изначальному значению слов и их комбинаций. Личное общение более предпочтительно, чем письменное или по телефону, поскольку предоставляет больше возможностей извлекать значения из контекста (позы, выражения лица, взгляда, невербального взаимодействия с другими участниками общения и прочее); соблюдаются принятые формы обращения, при этом эмоции (недовольство, негодование, гнев, радость и благодарность) могут выражаться довольно открыто.

Примеры высокой контекстуальности российской культуры многочисленны и хорошо известны. Достаточно сослаться на так называемые «задоринки» — афоризмы и анекдоты, собранные писателем-сатириком Михаилом Задорновым. Один из самых распространенных его номеров — это имитация разговора иностранца, женившегося на русской женщине, с собственной женой. Муж: «Чаю хочешь?», жена: «Да, нет, наверное». Муж, владеющий русским языком, но, по видимому, принадлежащий к одной из низкоконтекстуальных культур, остается в полном недоумении. Как он должен расценить ответ, в котором одновременно содержится и выражение согласия («да»), и выражение несогласия («нет»), и выражение неуверенности («наверное»). К чему относится эта неуверенность, к согласию или отказу?

Для россиян все предельно понятно: «Да» — это вводное, десемантизированное слово, которое в современных условиях употребляется чрезвычайно часто и не несет никакого значения. «Нет» — это и есть истинный ответ на предложение выпить чаю. А «наверное» либо смягчает отказ, либо демонстрирует то обстоятельство, что при принятии решения существовало некоторое сомнение.

Однако человеку, не знакомому с таким речевым поведением, правильно понять его, правильно идентифицировать «означаемое» очень трудно.

И, конечно же, только россиянам, способным домыслить все недостающее в тексте и

привлечь весь свой жизненный опыт, понятны объявления, типа «Тараканы навсегда. Никакой химии. Гарантия. Тел. 122-10-54» или «Запой. 500 руб. 310-95-33».

Россиянам понятно, что тараканы не остаются, а уничтожаются навсегда и делается это без применения химических веществ, а только естественными, природными средствами. Нам также понятно, что запой (слово тоже мало понятное иностранцу, владеющему русским языком) не начинаются или обеспечиваются, но прекращаются и стоит эта процедура 500 рублей.

Примером из реальной жизни может служить ситуация, имевшая место при размещении американских студентов, приехавших на долговременное обучение, в российских семьях. Все студенты приезжают с некоторым уровнем владения русским языком. Студентка, о которой пойдет речь, владела им довольно хорошо, а после четырехмесячного пребывания не испытывала практически никаких трудностей ни в выражении своих мыслей, ни в понимании собеседников.

Особенно хорошие отношения сложились между американской девушкой и ее принимающей российской «мамой». В описанных обстоятельствах организаторы программы были чрезвычайно удивлены, когда «мама» позвонила по телефону и в слезах попросила немедленно забрать «эту неблагодарную девчонку», с которой она обращалась как с родной дочерью и которая ее очень обидела.

Попытка разобраться в ситуации выявила следующие обстоятельства. Дело было перед Новым годом. «Мама» заболела простудным заболеванием, плохо себя чувствовала (температура, кашель, слабость и т. д.) и лежала дома в постели. Девушка вернулась с занятий, осведомилась о состоянии мамы, которая перечислила все симптомы недомогания. Девушка выразила сочувствие, а затем задала «маме» вопрос: «Можно я пойду на дискотеку сегодня?» (В скобках необходимо заметить, что мо-

лодая американка уже усвоила некоторые модели поведения в российской культуре и не просто поставила «маму» в известность о своих планах, как она сделала бы в Америке, а спросила разрешения, как это принято в России). В ответ «мама» с тяжелым вздохом сказала: «Иди, если можешь» и девушка ушла, чем вызвала негодование «мамы», не ожидавшей от девушки такой черствости, как полное игнорирование пожелания «мамы», чтобы девушка осталась и помогла ей справиться с болезнью.

Что же произошло? «Мама», в полном соответствии с нормами общения в нашей культуре, ожидала, что девушка извлечет значение высказывания «Иди, если можешь» из контекста. Девушка должна была понять, что «мама» болеет, о чем она сказала, что о ней необходимо проявить заботу, а поскольку дома никого, кроме девушки нет, это значит, что девушка не может идти на дискотеку. Это же значение было подчеркнуто и соответствующей интонацией высказывания.

Девушка, принадлежащая к культуре, в которой контекст и окружение имеют гораздо меньшее значение, чем собственно высказывание, поняла его (высказывание «Иди, если можешь») буквально. Она, по ее собственным словам, рассуждала так: «Я, как принято у русских, спросила разрешения пойти на дискотеку. Принимающая мама такое разрешение дала, сказав мне “Иди”. Она добавила “Если можешь”. Я не болею, я не устала, я могу идти. И я пошла. Я не хотела ее обидеть и не понимаю, почему она обиделась, при том, что я хотела сделать, как лучше».

Просвещенному читателю должно быть понятно, что конфликт произошел не на почве личных качеств его участников или их личных взаимоотношений, а по причине различий в культурах, к которым они принадлежат. «Мама», как носительница российской культуры, вкладывала значение в контекст, а молодая американка извлекала значение собственно из высказывания.

Налицо конфликт культур, в котором одно и тоже означающее (ситуация общения) имеет совершенно различные означаемые в различных культурах в виде мотивов совершаемых поступков.

Другой пример. Для высоко контекстуальных культур, в которых по определению значение выявляется из контекста, характерно специфическое отношение к очередности в общении, к так называемому «turn taking». Если в низко контекстуальных культурах длинные реплики не приняты, так же как и практика перебивать друг друга, то в высоко контекстуальных перебивание — норма. Оно может преследовать различные цели:

- показать, что слушающий уже понял мысль и далее продолжать ее не следует;
- показать, что слушающий разделяет мысль и готов подтвердить это вербально, развивая или поддерживая идею;
- показать, что мысль не заслуживает того, чтобы дослушивать ее выражение до конца, и другие. Подтверждение можно найти во многочисленных российских ток-шоу, когда участники говорят одновременно, абсолютно не вникая в аргументы друг друга.

Особого упоминания заслуживает российское отношение к вопросам. Чаще всего они либо остаются без ответа, либо ответ на вопрос обнаруживается после длительного и далеко не всегда связанного с вопросом, вступления. Такое положение дел является нормой. Более того, оно и фиксируется и формируется в нашей культуре с самого раннего детства. Существует замечательный советский мультфильм «Дед Мороз и лето», в котором Дед Мороз пытается понять, что такое лето. В одном из эпизодов, когда его подвозит грузовик, Дед Мороз задает шоферу вежливый, но очень четкий вопрос «Мил человек, а что такое лето?» В ответ он получает ухмылку и вместо определения феномена лета только комментарий своей личности: «Артист,

ну и артист!» Происходит это потому, что ответ кажется шоферу очевидным, мысли о разнице в объеме знаний, опыта и представлений шофер даже не допускает.

Для того чтобы понять возможность различных токований высказываний в ходе общения, нам, носителям высоко контекстуальной культуры, исключительно важно иметь представление об особенностях общения в культурах низко контекстуальных.

В низко контекстуальных культурах не прямые сигналы и намеки не расшифровываются и часто упускаются из виду, зато весьма популярны высказывания типа «Почему ты мне не сказал?»

Однако не надо путать низкую контекстуальность с косвенными речевыми актами. Последние не называют действия, не отсылают к некоторому буквальному значению напрямую, но расшифровываются, понимаются совершенно **однозначно**. Так, распространенное американское приветствие «How are you doing?» («Как дела? Как поживаешь?») не имеет своей целью получить правдивую и исчерпывающую информацию о состоянии дел или здоровья того человека, которому адресован вопрос. Это ритуал приветствия, значение которого сводится к тому, чтобы продемонстрировать человеку, что его увидели и выразили ему некоторое почтение. Оно максимально приближено по значению к русскому «Здравствуйте!», которое давно не воспринимается как искреннее пожелание здравствовать и вообще не отражает отношений людей, которые здороваются, а употребляется потому, что таковы правила вежливости, даже если в душе люди ненавидят друг друга.

Пространные ответы неискушенных россиян на американские приветствия давно стали распространенным примером расхождений культурных практик, приводимым во множестве пособий по межкультурной коммуникации.

Примерами демонстрации высокой или низкой контекстуальности культуры

могут служить описания рекомендуемых действий в книгах для учителя, служащих приложением к серийным учебникам. В российских учебниках рекомендации формулируются так: «Предложите учащимся обсудить в диалогах следующую проблему» или «Проведите дискуссию, в ходе которой учащиеся отстаивали бы противоположные точки зрения». Для носителей российской культуры подобные рекомендации считаются исчерпывающими. Каждому учителю понятно (из контекста, без лишних слов), что в диалогах участвуют пары учеников, а отстаивание противоположных точек зрения предполагает наличие двух или более групп учащихся, их разделяющих.

В книгах для учителя англоязычных авторов рекомендации даются с описанием **каждого** действия. Например, перед предложением составить диалог дается рекомендация «Put the students into pairs» (Разделите учеников на пары) (Freeway. An Integrated Course in Communicative English. Teacher's Manual. Longman, 1995. P. 29), а при подготовке дискуссии дается рекомендация «Devide students into groups» (Поделите учеников на группы) (Ibid. P. 59).

В российской культуре использование фраз в сильнейшей зависимости от контекста иногда может приводить к полному игнорированию информации. Например, таблички «Закртыо» частенько забываются и остаются на своих местах в то время, когда учреждение или магазинчик уже работают. В результате такого положение дел складывается особое отношения к слову — отношение некоторого недоверия, неуверенности в том, что имеется в виду именно то, что написано.

Иногда для того, чтобы убедить читающего в том, что надпись имеет намерение не ввести в заблуждение, но действительно назвать, обозначить реальную ситуацию, используются нестандартные усилители значения. Например, объявления такого рода: «Отдел фото и ксерокс закрылся!!!!!!!!!!!! ВААБЩЕ!!!!!!!! Это точно!»

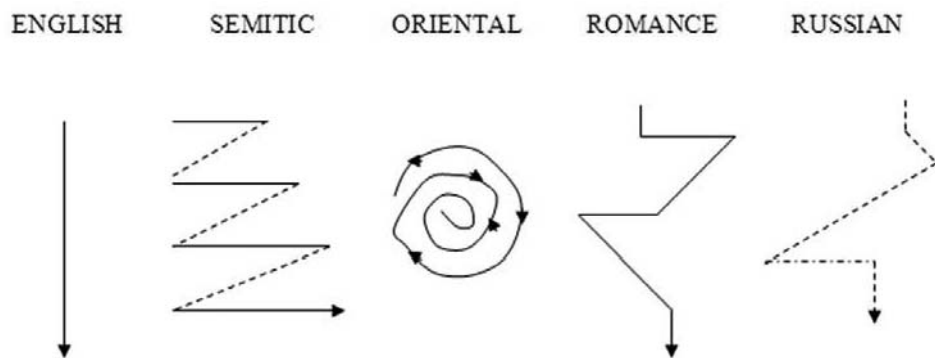
Аналогичным образом, пытаясь защититься от назойливых незваных посетителей, не доверяющих просто сформулированной информации, хозяин дома вместо традиционной таблички «Злая собака», помещает следующую, подчеркивающую опасность и отражающую эмоции автора: «Злая хозяйка! Злой хозяин! Злые дети! Злая собака! ВСЕ ЗЛЫЕ ...ЗЛЫЕ».

Удивляться такому положению дел, то есть тому, что подавляющее большинство россиян не обращают внимания на надписи, не приходится. Оно является неотъемлемой частью нашей культуры.

Высокая или низкая зависимость высказываний от контекста отражается и в такой характеристике речевого общения, как метафоричность — перенос значений, обозначение качеств одних предметов и явлений при помощи указания на качества других.

Думается, что здесь уместно ознакомиться с результатами весьма популярного исследования Р. Каплана. На основе анализа того, как организованы параграфы или законченные отрезки связного текста в пределах одного письменного произведения, Р. Капланом еще в 1966 г. была предпринята попытка исследования и демонстрации того, как структура человеческой мысли, в свою очередь обусловленная, наряду с другими факторами, и природой родной культуры, влияет на структуру дискурса, целостного речевого поведения на родном языке.

Культурно-обусловленные различия в речевом поведении были представлены Р. Капланом схематически, получили многочисленные подтверждения и широкое распространение и были приведены во множестве источников (см. Savignon, 1997. P. 44).



Dominant Patterns of Formal Written Discourse in Major Language Groups

Английский язык, стоящий в схеме первым, представлен как прямолинейный, последовательный, не оставляющий места домыслам и догадкам, с вербальным выражением абсолютно всех компонентов высказывания.

Следующие, согласно схеме, семитские языки склонны к импликации, подразумеванию некоторых фактов, рассматриваемых участниками общения как очевидные (графически это представлено пропусками). При этом, во избежание недоразумений, импликации затем четко вербализуются в суммированном виде (прямая черта

после каждого рассуждения, содержащего импликации).

Носители большинства азиатских языков (в центре схемы) имеют тенденцию развивать аргументы по спирали, расширяя и углубляя их с каждым последующим витком, что способствует, по их мнению, проникновению в глубь описываемого явления.

Для романских языков, представленных предпоследними, характерна вербализация всех компонентов, но она сопровождается отступлениями, ссылками, рассуждениями по поводу объекта речи.

Русский язык был выделен из группы славянских, как обладающий только ему присущими особенностями. Для речи носителей российской культуры типично сочетание импликации, подразумевания того, что предполагается известным всем (пропуски в пунктирных линиях), и многочисленные и довольно пространственные отклонения от основного предмета разговора, т. е. весьма не прямой, часто образный, с массой аллюзий и отступлений, путь к цели — выражению аргумента или исчерпывающему описанию предмета.

Такое представление не следует рассматривать в абсолютных терминах как характеристику дискурсов, речевых практик от более логичных (английский) к более запутанным (азиатские языки). Оно свидетельствует о вариативности моделей дискурса, с одной стороны, и о связи этих моделей с типом культуры — с другой. Чем более высоко контекстуальной является культура, тем более сложным по своей структуре является дискурс, зависимый от контекста.

Проследим эти зависимости на примере англоязычной и русской культур. Начнем с более простых вещей, с проявления высокой контекстуальности и метафоричности в рекламных речевых актах.

Например, на рейсе Аэрофлота из Москвы в Токио пассажирам, при предоставлении питания, предлагалась на подносе плотная бумажная салфетка с логотипом Аэрофлота и надписью по-английски «Because we fly with soul» (дословный перевод «Потому, что мы летаем с душой»).

Опрос иностранных пассажиров рейса выявил тот факт, что большинство из них не поняли образности выражения. В лучшем случае они испытали недоумение: «Soul is something spiritual, something too much for flight» («Душа — это что-то возвышенное, духовное. Это как-то многовато для авиарейса...»), а в худшем — раздражение: «I'd rather they fly with an engine» («Я бы предпочел, чтобы они летали с двигателями»).

Россиянам вполне понятно, что имелось в виду следующее: «Мы не просто выпол-

няем свои технические обязанности, мы вкладываем душу в то, что делаем». Но для понимания заложенного создателем лозунга значения нужно было владеть контекстом: понимать, что такое «душа» для русского человека, насколько работа «с душой» отличается от простого (хотя и высоко профессионального) выполнения своих обязанностей.

Иностранцам подобное, связанное с традициями, метафорическим осмыслением и обозначением действительности, толкование приведенного лозунга не знакомо. Им не понятно, что имеется в виду и это обстоятельство вызывает, скорее, недоумение, чем чувство удовлетворения хорошим обслуживанием.

Иностранцам вообще трудно понять функционирование и русского языка и российской образности мышления. Из личного опыта общения, подтвержденного неформальным опросом, автор настоящей статьи берет на себя смелость утверждать, что ни один иностранец, прекрасно владеющий русским языком (в частности, переводчики Директората устного перевода Европейской комиссии), не в состоянии понять смысла популярнейшего российского мультфильма «Ежик в тумане».

Очень ярким примером того, как можно по-разному выразить одну и ту же мысль, передать одну и ту же информацию и сделать ее привлекательной для носителей определенной культуры за счет учета их культурных ценностей, за счет наличия или отсутствия связи с контекстом и метафоричности, могут служить два почти симметричных рекламных текста, посвященных рекламе средств удаления волос для женщин.

В англоязычном варианте все процедуры удаления волос называются открыто и обозначают непосредственно способ удаления: при помощи воска (waxing), посредством бритвы (shaving), за счет растворителей (depilatoris) и т. д. В русскоязычном варианте аналогичные процедуры названы весьма романтично: «Все идет гладко», «Почувствуйте себя богиней», «Нежное прикосновение», что вполне согласуется с рос-

сийской культурной традицией. Во-первых, россиянки не любят таких «грубых» слов, как «бритье» (это приближает женщин к мужчинам и звучит несколько цинично), а во-вторых, россиянки любят образные метафорические выражения, воспринимаемые как нечто возвышенное. Именно в силу описанных причин реклама подобного рода привлекательна для российских женщин.

Примеры высокой контекстуальности, то есть зависимости значения высказывания или события от контекста и, в частности, способности россиян восстанавливать недостающие звенья коммуникационной цепи единообразным путем, изобилуют в нашей повседневной жизни.

Например, типичная уличная сцена: люди продают или раздают бездомных животных. На коробке написано «щенки», а сидят в ней котята.

У большинства прохожих такое несоответствие не вызывает никаких эмоций. Большинство людей бессознательно восстанавливают «пробелы между черточками» в модели русского общения, представленной Р. Капланом. Россиянам понятно, что раньше в коробке лежали щенки, их продали или роздали, коробка еще может быть использована и в нее положили котят, демонстрируемых с той же целью. Поскольку наличие котят, а не щенков, очевидно, нет никакой необходимости «дублировать» информацию. Используя популярную российскую фразу, отражающую стиль нашего мышления, можно сказать «Ну, разве, не видно, что это котята? Что за дурацкий вопрос — почему написано “щенки”? Некогда переписывать было и так все ясно».

Примеров несовпадений написанного и действительно представленного в нашей повседневной жизни множество. И все они рассчитаны (сознательно или бессознательно) на то, что реальное положение дел вос-

принимающий несуразную надпись сможет восстановить из контекста.

Естественная природа того, что в научных терминах именуется высокой контекстуальностью, не только подсознательно используется, но и декларируется в популярных бытовых текстах. Одной из очень известных песен советского периода была песня о неразделенной девичьей любви. В ее начале говорилось о том, что молодая девушка «Парня полюбила на свою беду, не могу открыться, слов я не найду», а заканчивалась песня констатацией того, что «Так живу, не смея волю дать словам» и откровенным призывом «Милый мой, хороший, догадайся сам!» При этом не сообщалось, по каким признакам возлюбленный должен был догадаться о чувствах девушки. Скорее всего, предполагалось, что он из обстановки (из контекста) по ее присутствию в тех же местах, где находится он, по ее «говорящим» взглядам и другим косвенным признакам сможет определить наличие и степень влюбленности.

Перечень примеров можно продолжить. Однако для всех носителей российской культуры, общающихся с иностранцами, гораздо более продуктивным представляется:

- во-первых, научиться фиксировать подобные проявления родной культуры в собственных высказываниях и в высказываниях окружающих, включая российских коллег;
- во-вторых, научиться анализировать их с культурологической точки зрения;
- в-третьих, попытаться либо изменить собственную манеру общения при сотрудничестве с носителями других культур, либо дополнить ее исчерпывающими объяснениями, позволяющими иностранцам понять мотивы и истинный смысл наших моделей общения, доминирующих даже в нашей речи на английском языке. Удачи!

ЛИТЕРАТУРА

1. *Freeway*. An Integrated Course in Communicative English. Teacher's Manual. Longman, 1995.
2. *Savignon S. J.* Communicative competence. Theory and Classroom Practice. McGraw-Hill, 1997.